

М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

Социализм как положительное учение

ГЛАВА VII

Анархический коммунизм и социализм

I. Сущность анархизма. — II. Анархический коммунизм Годвина. — III. Анархический социализм Прудона. Меновой банк. — IV. Анархизм Кропоткина. — V. Внутренняя невозможность анархизма

I

Крайней противоположностью централистическому социализму является анархизм.

С точки зрения анархизма идеал общественного строя будет достигнут лишь тогда, когда из общественного строя исчезнет всякая власть человека над человеком, когда все люди будут равно свободны и над ними не будет никакого господина. Власть большинства над меньшинством признается анархистами таким же насилием над личностью человека, как и власть меньшинства над большинством. Единственным законом анархического общества должна быть свободная воля каждого человека; каждый должен быть свободен делать лишь то, что признает нужным, и лишь добровольное соглашение отдельных лиц, соединяющихся ради достижения какой-либо общей цели, может быть основанием их совместной жизни и деятельности.

II

Первым провозвестником современного анархизма можно считать Годвина¹.

Этот замечательный писатель, подвергнувший самой резкой критике капиталистический строй, как несогласный с требованием справедливости и равенства, был вместе с тем противником и обязательной общности производства и потребления. <...>

Никто не должен быть принуждаем работать вместе с другими, так как у каждого есть свои склонности и вкусы, и человек не машина, чтобы делать что-либо не по своей воле. Вообще, совместная работа нескольких людей имеет свои невыгодные стороны. <...> Ничего нет невозможного, что когда-нибудь одинокий человек будет выполнять величайшие работы или, чтобы взять самый близкий пример, что плуг будет исполнять на поле свою работу без всякого присмотра человека. В этом смысле знаменитый Франклин сказал: «Когда-нибудь человеческий дух приобретет всемогущество над материей».

В прежнее время грубые и тяжелые работы исполняли рабы. Настанет время, когда эти работы будут исполняться машинами. И тогда возможно будет достижение общего благополучия без всякого стеснения свободы личности. Никаких законов и запрещений в обществе будущего существовать не может. В нем не будет частной собственности, но не в силу закона, запрещающего таковую, а в силу того, что никто не пожелает удерживать в свое исключительное пользование то, в чем могут нуждаться другие. «Чем я владею, то я могу считать своей собственностью, если только данная вещь нужна для моего потребления; но если и владею вещью мне ненужной, то как я могу удерживать ее у себя, хотя бы она и была создана моим трудом?»

Жилище человека будет, в известном смысле, так же неприкосновенно, как и теперь: никому не придет в голову занимать мое жилище, когда всякий может иметь свое собственное. «Но не будет ни замков, ни запоров, каждый будет иметь право пользоваться моими орудиями труда, если только этим не делается помехи моей работе <...>».

Конечно, в царстве будущего не исчезнет разделение труда. Каждый будет занят той работой, к которой он будет чувствовать всего больше склонности. Но так как склонности различны, то люди будут выделывать разные вещи. Но они отнюдь не будут обмениваться ими так, как теперь. Каждый будет свободно брать у другого то, что ему нужно, если, конечно, тот, у кого берут, сам не нуждается в своем продукте. В основе обмена будет лежать не себялюбие, а любовь к ближним. Каждый будет охотно работать на другого и потому с такой же свободой пользоваться работой другого.

Таков был общественный идеал Годвина. Наш утопист исходит не только из предположения, что вся душевная природа человека испытает глубочайшее преобразование — что любовь

к ближнему вытеснит окончательно в душе человека все своекорыстные чувства — но и из предположения не менее глубокого преобразования техники, которое даст человеку возможность своими единоличными силами исполнять самые трудные работы. Только, когда осуществляются оба эти условия, наступит, по мнению Годвина, царство справедливости — полной свободы и отсутствия какого бы то ни было насилия человека над человеком.

III

Анархический идеал Годвина не встретил отклика среди современников и никакого общественного движения не вызвал. Анархизм, как общественное движение, ведет свое начало от писателя значительно более поздней эпохи, Прудона.

Прудон, так же как и Годвин, признает добровольное соглашение людей единственно допустимой формой общественного сотрудничества. Поэтому, он отвергает все формы исторического государства, все виды правительства без различия. Демократия — владычество народа в лице большинства — есть для Прудона такое же царство насилия, как и монархия. Правительство и вообще насилие необходимо в обществе лишь потому, что экономические силы общества не организованы, не согласованы друг с другом. Но если только люди, путем добровольных договоров, достигнут согласованности общественного труда, то и надобность в каком бы то ни было вмешательстве принудительной общественной власти, в каком бы то ни было правительстве, совершенно исчезнет. Есть только два коренных общественных начала: начало свободы и начало авторитета. Правительство основывается на авторитете; и это начало проникает всякую форму государства. Общество будущего должно отказаться от этого начала и всецело основаться на начале свободы.

Всякое правительство, какую бы форму мы ему ни придавали, неизбежно враждебно народной свободе. Всеобщее голосование отнюдь не ограждает народной свободы; наоборот, оно является вредным самообманом народа, так как народ думает, что, вручая власть своим избранникам, он остается владыкой своих судеб. Но это ошибка. На самом деле, избранники народа немедленно делаются его повелителями, как это доказывается всей новейшей историей.

Потому нужно стремиться не к улучшению формы правления, а к уничтожению какого бы то ни было правления. К этому ве-

дет ход истории, и только непонимание этой истины заставляет человечество истощать свои силы в бесплодных революциях.

Итак, будущий анархический строй общества должен всецело покоиться на начале свободного договора. «<...> Господство свободных соглашений вместо господства законов было бы истинным господством человека и гражданина, истинным владычеством народа, революции».

Всё это станет, по мнению Прудона, возможным, если будет осуществлена предложенная им реформа существующего хозяйственного строя. Задача этой реформы должна заключаться в организации беспроцентного кредита и менового обращения товаров без посредства денег.

Для этой цели Прудон предлагает следующее. В настоящее время производители страдают от недостатка средств производства, капитала и от трудности сбыта, продажи товаров. Но ведь сбыт труден не потому, что товар никому не нужен. Масса населения страдает от недостатка нужных ей продуктов; но ей не на что купить эти продукты, она лишена необходимых для этого денег. С другой стороны, и капиталов имеется достаточно, но собственники капитала не уступают его без дани в свою пользу, процента. Потому следует организовать безденежный обмен товаров и беспроцентное получение капитала.

Должен быть устроен особый меновой банк, который будет выдавать товаропроизводителям беспроцентные ссуды, но не деньгами, а своими билетами, которые будут приниматься всеми клиентами банка вместо денег. При установлении размера ссуд будет приниматься в соображение цена изготовленного товара; цена эта должна определяться не спросом и предложением, как теперь, а трудом производства. Каждый товаропроизводитель, получивший билеты банка, может обменять их на любой другой товар, производимый клиентами банка. Таким образом, товаропроизводители будут свободно обмениваться при помощи банковских билетов своими продуктами, а так как ссуды будут беспроцентными, то исчезнет и капиталистическая прибыль.

Когда операции банка охватят все народное хозяйство, всех товаропроизводителей страны, то при посредстве билетов банка можно будет купить всевозможные товары и, следовательно, всякие иные деньги совершенно исчезнут из обращения. Весь народнохозяйственный обмен будет совершаться через посредство банка, без всякого насилия над производителями и к общей

выгоде всех. Все будут свободны производить то, что желают, и всем будет обеспечен, в соответствии с общественными потребностями, сбыт произведенных товаров.

IV

Итак, анархический общественный строй в представлении Прудона тесно связывается с определенной организацией товарообмена без посредства современных денег. Как бы мы не оценивали положительное значение настроений Годвина и Прудона, им нельзя отказать в ясности и определенности. Мы знаем, чего хотели эти представители более ранней анархической теории. К сожалению, того же отнюдь нельзя сказать о новейших представителях анархизма — слишком уже неясны, туманны и противоречивы в своих подробностях их планы будущего общественного устройства.

Крупнейшим из современных анархистов является, бесспорно, Лев Толстой². Но Толстой, будучи несомненным анархистом по своим общественным идеалам, не может считаться теоретиком анархизма и потому мы оставим его в стороне. Из теоретиков современного анархизма выделяется силою ума, талантом и разносторонним знанием Кропоткин³.

Кропоткин принадлежит к тому направлению анархизма, которое он сам определяет как анархический коммунизм. Этим он существенно отличается от Прудона, который не стоял на почве коммунизма и считал необходимым сохранение частной собственности отдельного лица на произведения его труда. Напротив, Кропоткин отвергает какую бы то ни было частную собственность и какое бы то ни было право рабочего на его трудовой продукт. Этому последнему праву он противопоставляет право каждого на существование, достойное человека.

Кропоткин считает совершенно ненужным какую бы то ни было принудительную организацию общественного труда. Противоположное мнение кажется ему просто укоренившимся предрассудком. Обыкновенно думают, что без принудительной власти невозможна никакая сложная общественная организация. Но так ли это? Не видим ли мы множество примеров весьма сложных организаций, которые существуют лишь на основании совершенно свободного соглашения участников. Такой характер, по необходимости, имеют все организации, выходящие за преде-

лы одного государства — напр., всемирный почтовый союз или организация международного железнодорожного сообщения. И та и другая организации охватывает сотни тысяч и миллионы рабочих и требует величайшей согласованности их труда. Тем не менее она всецело основана на свободном договоре — каждое государство, каждая железнодорожная компания, участвующая в этой организации, делает это добровольно без всякого внешнего принуждения. Отсюда видно, что принудительная власть, вопреки мнению коллективистов, отнюдь не есть необходимое условие сложного общественного сотрудничества.

Кропоткин — противник какой бы то ни было организации обмена, а также и какой бы то ни было системы денег. Обмен будет происходить в анархическом обществе очень просто: «Пусть город, — говорит он, — выделяет те вещи, которых не хватает крестьянам, вместо того, чтобы изготовлять разные безделушки для украшения буржуазных женщин. Пусть на швейных машинах в Париже шьют рабочие и праздничные одежды для деревенских людей, вместо того чтобы шить свадебное приданое, пусть на заводах делают земледельческие машины, лопаты и кирпичи, вместо того, чтобы ожидать их от англичан в обмен на наше вино. И пусть город посылает в деревню не комиссаров, опоясанных в красные или трехцветные пояса, которые приказывали бы крестьянам доставить свои продукты в такое-то место, но пусть по деревням отправляются из города друзья, братья, которые говорили бы крестьянам: “Несите нам свои изделия, и берите в наших магазинах все мануфактурные изделия, которые вам понравятся. И тогда деревенские изделия в изобилии появятся в городах. Крестьянин сохранит себе все, что ему нужно, а остальное отдаст городским рабочим, в которых, в первый раз за все время истории он увидит друзей, а не эксплуататоров”».

Таким простым способом, без всякой внешней организации, установится обмен продуктами. Производство будет так же свободно, как и обмен. Всякий будет производить, что хочет, и пользоваться продуктами по мере своих потребностей, если продукты имеются в избытке, и в равной доле с другими, если продуктов не хватает в желаемом количестве на всех.

Но наряду с этой картиной хаотической всеобщей свободы, Кропоткин выдвигает и несколько иной план общественного хозяйства. А именно, он предлагает, чтобы каждый член общества в возрасте от 20 до 45 или 50 лет добровольно согласился рабо-

тать в сутки по 5 часов в тех отраслях труда, которые общество признает необходимыми. Взамен этого общество обеспечивает каждому своему члену полный достаток и свободное пользование продуктами общего труда.

Но что если некоторые члены этого общества не пожелают работать? В таком случае общество признает свой договор с неработающим членом нарушенным и предоставляет его своим собственным силам; пусть он делает, что хочет, а общество не считает себя связанным с ним какими бы то ни было обязательствами.

Таков анархический общественный строй по представлению Кропоткина. Легко заметить, что наш теоретик коммунистического анархизма колеблется между двумя противоположными точками зрения. Как анархист, он требует абсолютной свободы и, следовательно, свободы для каждого работать, что вздумается, как вздумается и сколько вздумается, или даже совсем не работать; но как коммунист, он понимает, что такой порядок вещей противоречит требованию равенства, так как недобросовестный и не желающий работать будет при этом жить за счет труда работающего и добросовестного. И вот, чтобы избежать этой формы эксплуатации труда, Кропоткин предлагает, чтобы все члены общества добровольно обязались работать 5 часов в сутки; кто же не пожелает исполнить этого обязательства, тот может убираться на все четыре стороны. Но так как убраться человеку из человеческого общества некуда, разве в могилу, то, очевидно, предлагаемый Кропоткиным добровольный договор личности с обществом есть та же принудительная власть общества над личностью, против которой Кропоткин восстает.

Нетрудно показать всю обманчивость примеров Кропоткина, которыми он пытается доказать, что самое сложное общественное сотрудничество возможно на основе совершенно добровольного соглашения. И международное железнодорожное движение, и всемирный почтовый союз покоятся не на свободном договоре, а на принудительной общественной силе. Правда, отдельные компании, отдельные государства добровольно вступают в соглашение. Но Кропоткин забывает, что каждая железнодорожная компания, каждое государство исполняет свое дело при помощи не добровольцев, а наемных рабочих, которые работают не из любви к труду, а под угрозой голода. Железная дисциплина сковывает армию рабочих каждой железнодорожной компании и только благодаря этой дисциплине отдельные компании так

легко согласовывают движение своих поездов. Непонятно, каким образом в добровольных соглашениях капиталистов, обладающих принудительной властью над армиями наемных рабочих, Кропоткин усматривает довод в пользу возможности сложных хозяйственных организаций без всякой принудительной власти.

Вот если бы Кропоткин привел пример добровольного сотрудничества сотен тысяч рабочих, без всякого общественного контроля и принудительного руководства, этот пример был бы сильным доводом в пользу возможности анархического общества. Но, конечно, такого примера Кропоткин не мог бы привести, так как вполне анархический строй — и это нужно твердо признать — есть безусловная невозможность.

V

Трудность осуществления анархического хозяйства заключается в том, что в общественном хозяйстве необходима строгая пропорциональность частей. Общество нуждается в определенном количестве хлеба, мяса, тканей, железа, стекла, дерева и т. д., и т. д. Если железа или мяса или дерева изготовлено больше, чем нужно, то излишнее количество относительно, по крайней мере, бесполезно. В настоящее время, при капиталистическом хозяйстве, эта пропорциональность производства достигается весьма сложным образом через посредство рынка, путем колебания рыночных цен товаров. Когда капиталистическое товарное хозяйство исчезнет, то пропорциональность общественного производства должна достигаться путем планомерного распределения общественного труда. Без этой планомерности немыслимо общественное хозяйство, а эта планомерность может быть создана только общественным руководством всего общественного процесса производства.

Если бы каждый производил, что ему вздумается, как это предполагают все анархисты (в том числе и Прудон — его план менового банка несостоятелен именно потому, что организация обмена еще не обеспечивает пропорциональности общественного производства), то будут изготовляться не те продукты и не в таких пропорциях, как это требуется обществом, и, следовательно, общество будет терпеть экономическую нужду, голодать, благодаря неорганизованности общественного производства. Анархия производства в строе будущего, при отсутствии тех сил, которые

в настоящее время обеспечивают хотя и весьма грубую пропорциональность общественного хозяйства, равносильна уничтожению всякого хозяйства.

Анархическое производство мыслимо лишь при том условии, что каждый будет добровольно подчинять все свои интересы общественным и производить всегда именно те продукты, в которых нуждается общество. Потому анархический идеал полной свободы личности от общественного принуждения может получить осуществление лишь при совершенном преобразовании человеческой личности.

Есть только одна область человеческой деятельности, в которой возможна и необходима полная свобода, — это область высшего, умственного, творческого труда. В этой области никакая власть большинства над меньшинством не может быть терпима. Всякая попытка подчинить общественному контролю творческий труд равносильна огромному понижению его производительности, и, следовательно, огромной потере для общества.

Вместе с тем в этой области отнюдь не требуется той строгой пропорциональности, которая составляет такое необходимое условие хозяйственного труда. Общество не испытывает никаких страданий от того, что в одну эпоху преобладает один род искусства, в другую — другой. Если картин написано больше или меньше, чем требуется общественным спросом, то страдают или выигрывают от этого преимущественно сами художники. Во всяком случае, всякие внешние меры воздействия были бы в данном случае совершенно неуместны. Союзы людей творческого труда — художественные, научные и литературные общества — уже и теперь имеют характер вполне свободных соглашений и воплощают собой анархический идеал. В обществе будущего такие свободные анархические союзы должны получить, конечно, гораздо большее распространение, но основой хозяйственного строя общества они не станут до тех пор, пока эгоистические мотивы не исчезнут без остатка в душе человека.

